

Ф.К. Колпащикова

Новосибирский государственный университет

Коллективное и индивидуальное в русской вербализации эмоций

Данная статья посвящена описанию результатов анализа русской вербализации эмоций с точки зрения отражения в ней признаков коллективной и индивидуальной культур, представленных в концепции Х. Триандиса [Triandis, 1995]. Материалом анализа являются данные ситуативного опроса, при проведении которого информантам предлагалось представить себя в качестве субъекта в ситуациях эмоционального воздействия и вербализовать возникшие в связи с ситуациями ассоциации. Вербальные ассоциации включили в себя высказывания, обращенные к воображаемому¹ собеседнику, фрагменты внутренней речи (то, что информант сказал бы «про себя»), обозначения эмоциональных состояний (ЭС), восклицания, описания действий, которые информанты предприняли бы в подобных ситуациях. Ситуации, использованные при опросе, охватывают ключевые сферы жизни человека: физическое состояние, финансовое положение, карьера, романтическая любовь, семья и др. Под вербализацией эмоций в данной статье понимаются все высказывания, обращенные к собеседнику, в ситуациях эмоционального воздействия на субъект, так как они нацелены на получение от собеседника определенного вида поддержки и содержат эмоции, представляющие собой средство побуждения собеседника к оказанию содействия субъекту. Информантами являются 150 русских студентов и преподавателей из Новосибирского государственного университета, Югорского государственного университета, Югорского Научно-исследовательского института информационных технологий, чьи ответы были сопоставлены с ответами американских информантов (студентов, преподавателей и научных сотрудников из Западно-Вашингтонского университета (г. Беллингем, штат Вашингтон), Колумбийского университета (г. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк), для выявления их культуроспецифичности. Сопоставив полученный речевой материал с признаками коллективной и индивидуальной культур, мы обнаружили, что русская вербализация эмоций содержит черты обоих типов культур.

Х. Триандис выделяет индивидуальный и коллективный типы культур, утверждая, что «для понимания выражаемых эмоций мы должны изучить организацию элементов культуры, существующую в определенный исторический период» [Triandis, 1994, p. 286]. Х. Триандис утверждает, что в индивидуальной культуре наиболее важным являются убеждения, нужды и цели индивида, в то время как в коллективной культуре акцентируются воззрения, нужды и цели коллектива. В индивидуальной культуре убеждения человека отделяют его от остальных, подчеркивая его самостоятельность, а в коллективной культуре люди склонны иметь общие, коллективные убеждения. В культуре коллективизма ценится взаимозависимость и сохранность семьи, акцентируется внимание на безопасности, послушании, чувстве долга, гармоничном существовании в рамках общества и общественной иерархии; в культуре индивидуализма ценится радость, личные

¹ Далее слово «воображаемый» будет опускаться.

достижения, чувство соревновательности, свобода, независимость и справедливый обмен. Рассмотрим проявление черт коллективной и индивидуальной культур на некоторых примерах речевого материала.

1. Выражение собеседнику негативной оценки другого человека или его действий как проявление черт коллективной и индивидуальной культур. На ситуации о неожиданном исчезновении крупной суммы денег с банковского счета субъекта и о неожиданном увольнении его с работы, от многих русских информантов были получены высказывания, обращенные к собеседнику, и восклицания, содержащие негативную оценку раздражителя ЭС (которым являлись банковские служащие и начальник, уволивший субъекта с работы): *Вот, сволочи, никакого порядка у них нет!; Вечно что-нибудь напутают, от них всякой пакости можно ждать!; Свинство!; Гады!; Скоты!; Тупицы!; Вот, сволочи!; Вот, собака, подстроил мне такую пакость!; Вот, козел, за что он меня уволил!; Тут старался, понимаешь, как негр на плантации, а тут этот свинтус без всяких объяснений подлянку такую выкинул; Мой начальник полный идиот!* В коммуникативную задачу этих высказываний входит передача собеседнику оценочного фрагмента ЯКМ с целью ее распространения и получения эмоциональной поддержки от собеседника. С одной стороны, такое речевое поведение нацелено на выделение своего «я» в противопоставлении раздражителю ЭС, утверждению своей личной позиции, оценки по отношению к другим людям, что соответствует принципам индивидуализма. С другой же стороны, стремление к эмоционально-оценочному объединению с собеседником в разделении с ним негативной оценки раздражителя ЭС соответствует принципам коллективного сознания. Тем не менее, склонность русского человека добиваться от собеседника солидарности в негативной оценке раздражителя ЭС не совпадает с чертой коллективного сознания, представленной Х. Триандисом как «акцентирование внимания на внутригрупповой гармонии, что влечет за собой “гладкий” стиль общения». Выражение негативной оценки американскими информантами происходило только по отношению к ситуации, идее, в рамках рациональных понятий (ср. высказывание, полученное при ответе американского информанта на ситуацию о неожиданном увольнении субъекта с работы: *I've been treated very unfairly!*), что соответствует принципам индивидуализма.

2. Установление личностного контакта с собеседником в экстремальных ситуациях как черта коллективного сознания. При ответе на ситуацию о том, как в результате падения на скользкой дороге субъект сломал ногу и вынужден попросить о помощи у прохожего, частотными высказываниями русских информантов оказались высказывания, способствующие установлению личностного контакта с собеседником (прохожим). Так, в высказываниях *Друг, помоги!, Мужик, можешь мне помочь?* говорящий эксплуатирует механизм идентификации собеседником социальных ролей русских понятий «друг» и «мужик», которые отражают то, что человек является «своим», а, значит, не оставит в беде подобного ему. Тот же механизм пробуждения коллективного мышления у собеседника наблюдается при использовании вежливых оборотов (*Мне неудобно Вас беспокоить, я очень прошу Вас помочь!*), приветствия (*Привет, помоги скорее!*) и даже использования бранной лексики (*Позвони в «скорую», мать твою!*), когда с их помощью в сознании собеседника активизируется коллективное сознание. Подобное стремление установить личностный контакт в условиях экстремальной ситуации с собеседником не было обнаружено в американском речевом материале.

3. Выражение собеседнику своего ЭС через определение причины событий как силы со стороны (судьбы, богов, коллектива, другого индивида) как черта коллективной культуры. Одну из черт коллективной культуры Х. Триан-

дис представляет как «определение причин событий как действия коллектива или силы со стороны (судьбы, богов)». При ответе на ситуации о том, как у субъекта неожиданно пропали деньги с банковского счета, как его неожиданно уволили с работы, как у него сломалась машина, в то время как он ехал в гости к другу на день рождения, от русских информантов были получены высказывания, обращенные к собеседнику, в которых причина события определяется как действия неопределенных жизненных сил: *Ну вот, опять мне не везет!; Какая-то чертовщина; Зачем мне судьба опять посылает эти проблемы!; Свалилось же!; Какая беда! За что?* Реализация этой черты коллективной культуры также прослеживается в актуальном для русского сознания концепте «обида»: ряд объектов, на которые направлено чувство обиды, вербализованное русскими информантами при ответе на ситуации негативного эмоционального воздействия, весьма многочислен (обида на погодные условия, на начальника, работающих банковских служащих, судьбу, невезение, жизнь, любимого человека, прохожего на улице, сломанную машину). Примечательно, что обозначение ЭС *обида* было выявлено в ответах на все ситуации негативного эмоционального воздействия и является одним из самых частотных обозначений ЭС, полученных от русских информантов. Ответы американских информантов отражают видение причины событий в действиях самого субъекта, что соответствует черте индивидуальной культуры в концепции Х. Триандиса (ср. при ответе на ситуацию о гибели друга в горах из-за несчастного случая распространенным обозначением ЭС, полученным от американских информантов, оказалось *feel guilty*).

4. Выяснение у собеседника причины его неожиданной заботы о субъекте как черта коллективной культуры. Ситуация, описывающая как ранним утром субъект неожиданно получает от друга в подарок букет роз, вызвала у многих русских информантов желание выяснить у собеседника причину его поступка: *Что случилось?; В честь чего такой праздник?; Почему, (собственно)?; Спасибо, конечно, но ты объясни, чего ради; В честь чего?; Зачем это?; За что?* Эта тенденция (также как и фрагменты внутренней речи, полученные от информантов: *Странный подарок; Стоит ли радоваться?*) сопоставимы с чертой коллективной культуры, описанной Х. Триандисом как «негативное отношение к неожиданным ситуациям и поведению, не соответствующим нормам». Высказываний, содержащих подобную речевую интенцию, от американских информантов получено не было.

5. Выражение собеседнику позитивной оценки его личных качеств как черта коллективной культуры. Х. Маркус и Ш. Китаяма одной из основных черт интересубъективного культурного фрейма (соответствующего коллективной культуре) считают внимание к ощущениям другого, характеру отношений с другим и ожидание взаимности. Эта черта ярко проявилась в ответах русских информантов на ситуации, описывающие заботу друга о субъекте (когда друг привез его на берег моря, чтобы тот отдохнул; когда друг подарил ему букет роз) в культурораспецифичных речевых интенциях «выразить собеседнику положительную оценку его личных качеств»: *Лапочка! Какой ты хороший!; Ты друг что надо!; Ты самая лучшая моя подруга!; Ты знаешь, как поднять настроение; Ты настоящий друг; Ты клевый чувак!; Какой же ты умничка у меня!* Наличие дружественного объединения в подобных ситуациях у русских информантов, являющегося чертой коллективной культуры, отражено в таких культурораспецифичных обозначениях ЭС как *счастье, любовь, душевность*. Американские же информанты в ответах на ситуации о заботе друга о субъекте выражали собеседнику позитивную оценку его действий (*It's (really) very nice of you!; You are sweet for doing me this/You are wonderful to do this!*), либо свои позитивные чувства по отношению к другу (*It's so*

great to have you!; I love you very much!). Дружеское общение американских ин-формантов является общением, где выражение эмоций происходит исходя из ин-дивидуальных позиций.

Итак, мы попытались выявить элементы индивидуальной и коллективной культур в русской вербализации эмоций. Как было показано на примерах речевых фрагментов, русская вербализация эмоций содержит черты как коллективного, так и индивидуального типов культур, актуализованных в выражении различных ЭС в различных ситуациях. В выражении говорящим негативной оценки или по-зитивной оценки личностных характеристик других людей мы наблюдаем стрем-ление человека выразить свою собственную точку зрения и, с другой стороны, объединиться с собеседником в ее разделении с ним. Поэтому эту черту русской вербализации эмоций можно обозначить как проявление индивидуального кол-лективизма, имея в виду, наличие в ней признаков обоих типов культур.

Литература

- Marcus H.R., Kitayama S. The cultural construction of self and emotion: Implications for social behavior // *Emotion and culture: Empirical studies of mutual influence* / H.R. Marcus. Washington, DC: American Psychological Association, 1995.
- Triandis H. *Individualism and Collectivism*. Boulder, 1995.